

Борис Грачевский:

упал. И вот представь, на середине пивнушки выбегает женщина-продавец, такая огромная, расставляет ноги и дает такую струю! Развернулась и обратно! Я так испугался! Так, наверное, коровы писают. У меня до сих пор эта картина перед глазами...

— Не возникло тогда отвращения ко всем женщинам?

— Скорее к пивнушкам, к женщинам — нет.

— Вы так красочно рассказываете о детстве. Вернуться в то время не хотите?

— (Задумчиво.) Может, я в нем и остался? Я ведь могу построить козу кому угодно!

— А поплакать можете?

— Оказавшись лет пять назад во Флоренции, в галерее Уффици, я увидел картины своего любимого Боттичелли — «Рождение Венеры» и «Весна». Я плакал, поскольку не думал, что увижу их «живьем». Вообще, я люблю такую адскую смесь художников, как Питер Брейгель, Иероним Босх и Сандро Боттичелли. Увлечения живописью и музыкой я перенес из детства. В 11 лет сам

Скульптура Давида на меня вообще не действует, наверное, потому, что я не гомосексуалист.

открыл в школе кружок изобразительного искусства. Я никогда не умел рисовать и решил изучать этот предмет изнутри!

— До слез вас может тронуть только живопись?

— Я плакал, когда увидел известную скульптуру «Пьета», где изображена сцена оплакивания Христа после снятия его с креста. Меня не волновал образ Христа. Я нашел в себе силы отделить одно от другого. Меня поразили фигуры скорбящих над телом Христовым Богородицы и Марии Магдалены. Не думал, что женская скорбь, изображенная в камне, может вызывать такие чувства. А известная скульптура Давида на меня вообще не действует, наверное, потому, что я не гомосексуалист, как многие.

— А каменные женщины возбуждают?

— Возбуждения на красоту женского тела в камне у меня тоже нет. Ну, не работает у меня, и все (смеется). Она же каменная, чего зря обниматься! А вот скорбь — дело другое (вздыхает). Тебе, наверное, странно это от меня слышать, ведь все привыкли воспринимать Грачевского как хохмача... А я, между прочим, очень яркое и серьезное кино только что снял. Называется «Прелюдия для детства с оркестром».

«Сначала на киностудии работал грузчиком»

— О чем?

— Это видеть надо, а то получится, как в анекдоте: «Карузо, Карузо... Вчера послушал — ничего особенного, голос слабенький», — разочарованно говорит один. «Де послушал?» — спрашивает другой. — «Рабинович напел».

Сюжета фильма как такового нет. Это картина об уроках классической музыки. Исследуются отношения человечества и музыки, показано, как величие музыки входит в детей и они становятся чище и ярче. Снимали в Краснодаре: там находится мощное музыкальное объединение «Премьера», существуют два симфонических оркестра, работают лучшие дирижеры и, кстати, известный всем Григорович.

Какая сволочь изобрела утро?

— Но ваша дочь так и не прониклась прекрасным и, закончив музыкальную школу, пришла к вам со словами: «Возьмите свой диплом».

— Так получилось. Слишком поздно от дирижеров я узнал, что обучать музыку нужно с 4 лет. Это возраст, когда полученную ребенком вакцину уже ничем не вышибешь. Потом он может слушать рэп или рок, но музыкальная школа делает человека богаче.

— Вы чем богаты?

— Могу слушать классическую музыку, а могу «Тату» или

техникум из э. аmentных Подлипков, которые теперь горд Королев. Там делали космические ракеты. Поступить я очень хотел. Отец поддержал меня, говорил, что космос — очень интересно. Доучившись, я понял, что это не так мне интересно. А поработав по специальности, пришел к выводу, что мне это вообще не надо. Так я оказался на Киностудии Горького грузчиком.

«Сурикова меня вырезала»

— Грузчиком и начали приобщаться к кинематографу?

— Да. Потом были счастливые моменты, когда меня назначали дежурным по съемочной площадке. Я сидел в павильоне под камерой, в мои обязанности входило срочно что-то подвинуть или протереть пол. Я был счастлив, потому что участвовал в творческом процессе. Пусть я был грузчиком, но все фильмы, на которых дежурил, помню по кадрам!

— В массовке снимались?

— Однажды меня забрали на съемки фильма «Варвара-краса, длинная коса». Та рука, которая кричит царю в фильме: «Долж-жо-о-о-о-о!» — моя!

— Ну, это же целое искусство — талантливо сыграть эпизод. Кстати, «Ералаш» для вас — телепрограмма или мини-фильм?

— Да перестань, для меня это нормальное кино! Мне безумно нравится его делать, все это знают. В том-то и секрет долголетия «Ералаша». Это одна из немногих вещей в моей жизни, от которых я получаю реальное удовольствие. Смотри, какую фар-

форовую куклу мне подарили! Это не Кобзон, как все почему-то думают. Это я!

— Вас называют папой «Ералаша», а нет желания стать...

— (Перебивает.) ...мамой?

— Нет, лицом «Ералаша»? Почему вы не снимаетесь в своем кино?

— А зачем? (Смеется.) Меня и так узнают на улицах! У меня есть несколько ролей: в одном из эпизодов «снялась» моя фотография и еще есть двухсекундная роль сумасшедшего профессора.

— Это не считается...

— Согласен. Была у меня небольшая роль в «Московских каникулах», но Сурикова меня вырезала. Правда, скоро выйдет двухсерийная комедия «Страсти по кино», в которой я играю режиссера и двойника-придурка.

— Вы не должны обижаться на Сурикову, ведь «Ералаш» — ее идея.

— Она предложила делать «Фитилек» — тот же «Фитиль», но для детей. Вскоре ей это наскучило, и передачу стали делать мы с Александром Хмеликом. Кстати, его дочь и придумала название «Ералаш». Помню, оно очень не понравилось тогдашнему председателю Госкино, потому что он носил фамилию Ермаш. Но название одобрили, и оно, как видите, живет до сих пор.

«Дяденька, вы — Ералаш?»

— Почему, как раньше, не снимаете социальную рекламу?

— Тогда у меня был заказ Минпечати на рекламу, я снимал сюжеты о пеллофилии, наркомании и безопасности детей на улице... Но вскоре кем-то была поставлена задача меня «задушить». Обидно, что старую, снятую мной рекламу сейчас нигде не показывают. Вся социальная реклама сегодня — отмыв денег. А потом, никому не выгодно ее сейчас подавать, она же тогда пойдет в ущерб коммерческой рекламе.

— Как же воспитывать детей?

— Примерами. Скажем, на деньги ГАИ было снято несколько «Ералашей», где в тупой игровой форме было показано, как нужно вести себя на дороге. В одном из эпизодов детям показали собаку, которая не хочет идти на красный свет. На примере животного мы объясняли, в чем ошибка. Детям нужно показывать разбитые машины и убитых, изуродованных детей, рассказывать им, как это произошло и почему. Должны быть все формы использованы в обучении, чтобы достигаться до ребенка: и клоун, и милиционер, и поп.

— Своих детей вы тоже водили на экскурсию в морг?

— Я просто ходил с ними за ручку по улицам и объяснял, как переходить дорогу: трамвай обходить спереди, а автобус — сзади.

Я нашу страну не понимаю! Ну почему наши детдома забиты детьми, а их не отдают во все страны мира? Отдадут инвалидов. А вы всех отдавайте! От этого общества не сократится. Ведь вы же их не воспитываете, а делаете уродами! Иностранцы с любовью воспитывают наших даунов — пусть здоровых тоже

Этот «Ералаш» 30 лет гвоздем в голове сидит

берут! Зато у нас любят мусолить по телевидению случай избития нашего ребенка за рубежом. Еще не понимаю, почему провоцировавшийся бухгалтер сидит в тюрьме рядом с убийцей?

— Поговорим о приятном. Дети вас часто благодарят?

— Да-а-а. Ко мне в Турцию подошел ребенок и спросил: «Вы Грачевский?» Я отвечаю:

Я говорю: «Да». — «А вы больно ударились?» И так нежно погладила меня по руке...

«Сыну подарил стриптизершу»

— Вы помните, как познакомились с женой?

— Не хочу об этом вспоминать. Меня прессовала жена. Как

Стою, башка раскалывается. Подхожу к пещере и кладу руки — боль исчезла. Отхожу — страдания возобновляются.

«Да». Он: «Какое счастье!» И еще был забавный случай. Наш юбилейный концерт, посвященный 30-летию «Ералаша», начинался с того, что дети выходят на сцену и начинают меня искать, а я как будто падаю на них сверху. После этого ко мне в самолете подошел один мальчик: «Дяденька, вы — Ералаш?»

говорят? «Никогда не денешься, влюбился и женишься». А я женился, потому что мне надоело бегать провожать ее до дома.

— О ваших любовных похождениях слагают легенды. Ваша жена видела эти сообщения в желтой прессе?

— Она сильно переживает. Хотя во всем мире признаю

премия

«Сегодня у нас праздник. Но... со слезами на глазах» — этими словами Генрих Боровик 13 сентября открыл вечер памяти своего сына — выдающегося журналиста Артема Боровика. Его жизнь оборвалась 9 марта 2000 года в авиакатастрофе. Но начатое им дело продолжают другие. Это доказывает спешенция имени Артема Боровика «За лучшее журналистское расследование и за вклад в развитие независимой журналистики в России», вручаемая уже в пятый раз.

Генрих Боровик: Жизнь коротка

В ГЦКЗ «Россия» пришли близкие и коллеги журналиста. Поэт Евгений Евтушенко, живущий сейчас в Америке, прислал кассету со своим обращением. А Евгений Примаков специально к этому дню написал песню про журналистов, которую исполнил Иосиф Кобзон. За пять лет премия приобрела всероссийский масштаб: на конкурсе прислали более восьмисот работ из 72 городов России — от Калининграда до Владивостока. Жюри, в которое вошли Всеволод Богданов, Ясен Засурский, Фазиль Искандер, Генрих Боровик, Ирина Петровская и Светлана Сорокина, пришлось нелегко. — Самое главное, что журналисты поверили в эту премию, — говорит вдова Артема Боровика Вероника Боровик-Хильчевская. — Они стали присылать в десятки раз больше работ.

Борис Ефимов: Мы еще повоюем

В этом году журналистские работы ориентировались в основном на военную тематику. Среди лауреатов премии — Алексей Поборев (НТВ), Игорь Прокопенко (канал РЕН-TV), Роман Газенко («Россия»), Павел Шеремет («Первый канал»), Леонид Велехов («Совершенно секретно»). Впервые дипломантом премии стала радиореporter — Екатерина Лазарева из Кургана. Специальную премию за большой личный вклад в победу над фашизмом получил известный карикатурист Борис Ефимов. В этом году Борису Ефимову исполнилось 105 лет. — По данным ООН, меньше всего живут журналисты, — заявил Генрих Боровик. — А самая большая продолжительность жизни у политиков. Но, как говорил Артем, если журналист смог сказать правду, значит, он прожил жизнь не зря.

■ Дмитрий Титorenko.

«Дочура у меня — директор турфирмы»

Папа «Ералаша» Борис Грачевский отметил 50 лет, как он на сцене. Из своих 56. Увидев двух блондинок, меня и фотографа, он осыпал нас афоризмами, от некоторых из которых, признаюсь, мы покраснели. Вообще-то Грачевский свои сочинения не афиширует. Он разрешил напечатать самое безобидное: «Молодость всегда прекрасна, сколько бы лет тебе ни было».

Человек без возраста

— Борис Юрьевич, на сколько лет вы сами себя ощущаете?

— Понятия не имею, я человек без возраста. Пока жизненно важные органы у меня действуют... (Пауза.) Я имею в виду голову, конечно. А вы о чем подумали? В этом году мне 56, но меня это не пугает. Мне, наоборот, страшно интересно дальше жить.

Лечу как-то в самолете, рядом пожилая дама поворачивается ко мне и говорит: «Вы меня не узнаете?» Откуда там узнать! Ко мне иногда подходят люди и говорят: «Привет! Че, не помнишь меня? Ну, я же в Красноярске на концерте свет включал! Вспомни!» И вот эта дама через минуту произносит сногшибательную фразу: «Я 45 лет назад была вожатой у вас в пионерлагере».

— То есть вы совсем не изменились...

— (Смеется.) Она лет десять назад натолкнулась на мои интервью, узнала меня, потом проанализировала кое-какие факты и поняла, что была моей вожатой. Мне тогда было всего 10 лет, но она столько обо мне вспомнила! Как я сам поставил танцевальный номер, как нас возили на танках кататься в воинскую часть, как я всех обыгрывал в настольный теннис, даже офицеров. Я был «блатным» ребенком — папа отправил меня в лагерь от военного завода.

— Тут я по законам жанра должна спросить о родителях.

— Папа был культработником, мама работала в библиотеке. Трудились они в доме отдыха «Полушкино», там же были прописаны. У меня в паспорте в графе о месте рождения так и написано. — Шутите? — Правда! Сейчас покажу. Ой, я забыл паспорт в машине

(звонит секретарше и просит принести копию паспорта). Вот, читайте. Вообще я родился в московском роддоме на Арбате. Один раз кто-то написал мне в анкете «деревня Полушкино». А я обиделся и сказал, что это дом отдыха! Многие шутят, мол, у тебя мама с папой доотдыхались!

— Ваше будущее предопределили родители?

— Я долго это анализировал, так и не смог вспомнить. Это притом что я все детство помню до деталей: как ходили люди, что ели-пили, во что были одеты...

«Давид меня не возбуждает»

— Впечатлительным очень были?

— Не то слово! Помню одно потрясение: раньше по всей Москве и в Подмосковье стояли «Голубой Дунай» или «Шалман» — вагоны, обустроенные под пивнушку. Там было жутко накурено, столов не было, по стенам стояли доски, а под ними валялись пьяные. Остальные все бухали, орали «Шумел камыш» и размахивали руками. А я боялся пьяных как огня! До сих пор их ненавижу и не помогаю пьяным, даже если при мне кто-то сильно

дурного тона считается чтение бульварной прессы и уж тем более ссылка на нее.

— Зачем вы сыну на день рождения стриптизершу подарили?

— Ну это же смешно! А потом ему было тогда уже 25 лет. Жена только не поняла меня и ругала. Но больше мне запомнился подарок сына шесть лет назад. Представьте, сидим мы, отмечаем в ресторане мой день рождения, и тут подходит ко мне Максим с маленькой-маленькой корбочкой и говорит: «Извини, пап, времена тяжелые». Я достаю оттуда ключи от машины, гаснет свет, а за окном зажигаются фары новенького серебристого «Мерседеса», который стоял весь в ленточках и бантиках. Я был так счастлив! Но испортил праздник друзьям. Они так переживали...

— Завидовали?

— Смушались и говорили, что их подарки по сравнению с машиной — фишка.

— А сын откуда средства взял? Шесть лет назад?

— Он очень крупный в России бизнесмен. Больше ни о чем не спрашивайте. Я достаточно сказал. А дочка у меня — директор турфирмы.

— Что вы больше всего ненавидите?

— Жалность и ту сволочь, которая изобрела утро. Я ненавижу рано вставать!

— Зато, говорят, Павича любите. Как писателя.

— Да, это правда. Павич — величайший человек, меня потрясает и радует его фантазия. Я бы с радостью с ним поговорил. Единственное, что не понравилось у него — «Хазарский словарь». Я в нем совсем запутался.

— Никогда не оказывались на месте хазарского царя? Не приходилось выбирать между христианством, исламом и иудаизмом?

— Вы знаете, что вопросы религии — интимная тема? Вы меня еще спросите, в какой позе я любовно занимаюсь. Но я вам расскажу. Я вне религий. Но никогда не забуду свое путешествие в Иерусалим. Я был в чудовищном гипертоническом кризе. У меня раскалывалась голова. Экскурсовод спросил, какой Иерусалим мне показать: христианский, мусульманский или иудейский. Я сказал: «Весь».

В шортах меня не пускали, тогда я вышел и взял у палестинца платок, арафат. Стою в очереди, а самого смея разбирал: еврей в арафатском одеянии стоит к Христу. Атас полный! Стою, башка раскалывается. Подхожу к пещере — боль в секунду исчезла. Отхожу — страдания возобновляются... Поднялся по ступенькам на Голгофу, где, по преданию, был распят Иисус Христос — та же история. Подхожу к Стене Плача — боль опять проходит. Ну как это объяснить?

■ Юлия Васильева.